

Очерк 1

Системность медийного лексико-семантического пространства

Н. Ф. Алефиренко

Язык человека — это язык слов, поэтому для выполнения им своих функций слова должны быть определённым образом упорядочены и организованы: их нужно быстро находить в анналах памяти, извлекать и выстраивать в коммуникативно значимую цепочку для реализации соответствующих речевых интенций. Коммуникативно-прагматические потребности стали стимулом поиска закономерных связей и отношений между словами, позволившими упорядочить их в удобную для речемышления систему. Основными системными отношениями словарного состава являются парадигматические и синтагматические связи слов. Первые группируют всю совокупность лексических единиц языка в соответствующие классы и разряды (синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантические группы и поля); внутри слова-полисеманта упорядочивают его значения — формируют его семантическую структуру. Вторые — служат механизмом объединения слов в высказывание.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЛЕКСИКИ

Парадигматические отношения определяют сосуществование в языковом сознании человека ассоциативно-смысловых

разрядов слов, связанных между собой различными отношениями сходства и различия. Это отношения (а) сходства в плане содержания, образующие синонимию; (б) сходства в плане выражения, лежащего в основе омонимии; (в) неполного (частичного) сходства как в плане содержания, так и в плане выражения, обуславливающего парониимию; (г) включения, присущего лексико-семантическим, или тематическим полям; (д) противопоставления, служащего основанием антонимии. Названные отношения являются разновидностями лексической парадигматики. В семантике всех слов, связанных парадигматическими отношениями, есть общая сема: «имеющий отношение к ...», а семная структура каждого слова отражает характер парадигматических отношений.

Основным способом выражения парадигматических отношений в лексике является оппозиция — противопоставление слова другим лексическим единицам, входящим вместе с ней в одну и ту же парадигму. Так, слова *лисица*, *тигр*, *собака*, *крокодил* входят в одну парадигму на основе общего признака 'животные' и существующей между ними оппозиции. *Лисица*, *тигр*, *крокодил* — хищные животные; однако *лисица* вместе с *волками*, *собаками* и *шакалами* относится к псовым, а *тигр* — к семейству кошачьих. Все они хищники, тогда как *собака* — домашнее животное. *Лисица*, *тигр*, *собака* — млекопитающие, а *крокодил* представляет отряд водных позвоночных (их обычно относят к сборной группе «пресмыкающихся»). *Лисица* и *тигр* — представители семейства млекопитающих отряда хищных, а *собака* — домашнее животное, одно из наиболее распространённых (наряду с кошкой) «животных-компаньонов». В ряду *лисица* — *тигр*, несмотря на то, что оба хищники, противопоставляются по признаку «псовые — кошачьи». *Крокодил* противопоставляется всем названным животным (млекопитающим), так как относится к отряду водных позвоночных — «пресмыкающихся».

По характеру оппозиции различают типы парадигматических отношений между словами — синонимические, антонимические, лексико-семантические группы слов и тематические поля.

Если при **синонимии** разная форма выражает одинаковое (или сходное) содержание (*игрушка* — 1) вещь, служащая для игры и 2) *перен.* тот, кто является послушным орудием чужой воли), то при **антонимии** разные по форме слова, выражая противоположные понятия, обладают полярным содержанием (*мир* — *война*). Если не углубляться в сложные семасиологические процессы, то можно сказать, что в ЛСГ и ТП разные по форме слова выражают одно родовое понятие (*посуда* — *тарелка, чашка, ложка, вилка, пиала, бокал* и т. п.).

Синонимия

Лексическая оппозиция по разным формам выражения одинакового (или сходного) содержания. Синонимия, пожалуй, одно из самых динамичных явлений лексико-семантической жизни языка. Им язык пополняется постоянно. Объясняется это несколькими причинами. Одной из основных является наше стремление найти в уже известных предметах, явлениях окружающего мира какие-то новые черты и свойства и признаки, т.е. углубить и расширить существующие представления об окружающем мире. Вторым фактором возникновения синонимии выступает освоение заимствованных слов, близких или тождественных по значению русским. Ср.: *преимущество* — *привилегия* — *льгота* — *прерогатива*, *путник* — *странник* — *пилигрим*, *разориться* — *обанкротиться*. Синонимы возникают также в случае необходимости дать предмету или явлению по сравнению с общеизвестным обозначением новое название с соответствующей коннотацией: *лекарство* — *снадобье*, *отъявленный* — *прожжённый*, *проработать* — *отработать* — *протрубить* — *отбарабанить*.

Синонимы возникают в русском языке и в результате того, что хорошо развитая морфологическая структура языка позволяет использовать разные словообразующие морфемы для сходных по значению слов: *невинный* — *невиновный*, *потеряться* — *утеряться* (разг.) — *затеряться* (разг.), *незаметный* — *непримет-*

ный — *малозаметный*. Источником пополнения синонимических рядов русского языка служит полисемия слов. Дело в том, что появление у слова новых лексико-семантических вариантов (ЛСВ) нередко приводит к тому, что начинают формироваться новые синонимические отношения.

Сущность синонимии предопределяется семантической равнозначностью разных слов. Сама проблема лексической равнозначности интересует ученых издавна. Но, несмотря на это, теория синонимии предмет продолжающейся дискуссии. Остается спорным главный вопрос: как понимать равнозначность — как «близость», «сходство» или «тождественность» всего значения или одного из его компонентов? Если «сходство» компонентов значения, то каких — денотативных, сигнификативных или структурных?

В обыденном сознании синонимы воспринимаются как разные по звучанию, но одинаковые по значению слова, что, кстати, весьма близко к этимологическому значению самого термина «синоним» (< греч. *synonymos* «одноименный»). Подобные определения обычно снабжают примерами действительно семантически тождественных слов: рус. *языкознание* — *лингвистика*. Однако такие семантические совпадения малочисленны в любом языке, поскольку живой человеческий язык не допускает сосуществования абсолютно тождественных по значению образований как избыточных и поэтому ему не нужных. Осознав это, исследователи сосредоточивают внимание на рассмотрении близких по значению слов, разъясня «оттенки» значения и коннотации (созначения). В этом случае предмет синонимии растворяется в проблеме словоупотребления и функционально-смыслового сближения даже далеко не равнозначных слов. Возникает необходимость выработать адекватные подходы к критериям синонимичности.

В современной лексикологии можно выделить три основных подхода к изучению синонимии — *денотативный* (А. А. Реформатский, Н. Г. Комлев), *сигнификативный* (Р. А. Будагов, Л. А. Новиков) и *структурный* (Л. А. Булаховский, Ю. Д. Апресян). В первом случае синонимичность слов определяется по их денотатив-

ной общности, и тогда синонимами окажутся все слова, которые способны назвать в том или ином контексте одну и ту же реалию (ср.: *балерина* — *Плисецкая* — *танцовщица* — *артистка*). Размытыми следует признать и определения синонимии на сигнификативной основе, поскольку они используют такие «зату-маненные» понятия, как «близость значения» и «оттенки значения». Как определить близость значений слов *мещане* и *обыватели*? Сравнимы ли они в этом отношении со словами *откровенно* и *начистоту*, *умный* и *башковитый*? Выражают они оттенки одного понятия или разные понятия?

Вот почему сам по себе ни один из выделенных подходов не в состоянии определить сущность синонимии. Их эффективность — в комплексном использовании, хотя ведущими среди них выступают первые два. Следовательно, лексическая синонимия — *это обозначение одного и того же денотата разными словами, выражающими смежные (перекрещивающиеся) понятия*.

Данное определение свободно от «неуловимых» и неизмеримых параметров (характеристик) — «близость значений» и «оттенки значения». Его составляющие достаточно конкретны: разные слова; разные, но пересекающиеся понятия; общий денотат. И все же денотативный подход к определению лексической синонимии также не решает всех проблем семантической равнозначности.

Синонимия — категория семантическая, которая предполагает связи данного явления с другими (полисемией, антонимией, лексико-семантическими группировками и т. п.). А это, как известно, обеспечивается главным образом сигнификативными свойствами лексических значений. Учитывая объективное существование разных механизмов синонимического сближения слов, различают: а) синонимию по денотату, когда у слов совпадает предмет обозначения, но не понятия: *небылица* — рассказ, не отвечающий действительности, *сказка* — вымысел, *басня* — несерьезная, неправдоподобная история и б) синонимию по сигнификату, когда слова выражают одно и то же понятие, но обозначают разные предметы: *кровоподтек* — подкожное кровоизлияние, *синяк* — посиневший кровоподтек, *фонарь* — синяк, обычно под глазом.

Синонимы по сигнификату отличаются друг от друга лишь каким-то признаком в пределах одного понятия (*свежий* кровоподтек — *посиневший* кровоподтек — *посиневший* кровоподтек *под глазом*). В традиционной лексикологии в таких случаях говорят об «оттенках» понятия. В отличие от них синонимы по денотату представляют собой вариантные наименования одного и того же (типа *кувшинка*, *водяная лилия*, *купава*).

Однако в чистом виде первый и второй типы встречаются редко. Можно говорить лишь о преобладании тех или иных факторов синонимизации. В связи с этим под синонимами следует понимать слова, обладающие признаками семантической общности денотативного и сигнификативного характера. Данное определение также страдает неоднозначностью. Как понимать «семантическую общность» слов? Это понятие настолько расплывчато, что допускает включение в синонимический ряд хотя и близких, но все же несинонимичных слов.

Степень семантической близости используется не только для отграничения синонимов от несинонимов, но и для построения синонимического ряда. Синонимический ряд — это группа синонимичных слов, расположенных по степени уменьшения их семантической близости. Начинает синонимический ряд слово с наиболее емкой семантической структурой и стилистически нейтральное. Его называют доминантой синонимического ряда (лат. *dominans* «господствующий»), т. е. основным, стержневым, опорным. Остальные члены синонимического ряда обладают разными семантико-стилистическими признаками. Например: *запрещать*, *воспрещать* (офиц.-дел.), *возбранять* (высок.), *заказывать* (простореч.), *заповедовать* (устар.). Кроме отдельных слов в синонимический ряд могут входить словосочетания и фразеологизмы.

С развитием языка синонимические ряды могут пополняться (или сокращаться). Основные факторы возникновения синонимов следующие:

- непрерывающаяся познавательная деятельность человека, выделяющая в уже известных вещах новые черты, признаки и свойства;

- лексические заимствования;
- стилевая дифференциация речи (высокое, разговорное, просторечное и т. п.);
- изменение оценочного отношения к предметам и явлениям действительности (торжественное, шутливое, ироническое, пренебрежительное и т. п.);
- диалектная и профессиональная лексика;
- развитие полисемии (появление новых переносных значений). Если семантически родственное слово появляется в результате словообразования, то наряду с разнокорневыми синонимами появляются и однокорневые: рус. *крестьяне*, *крестьянство*; *логичный*, *логический*; англ. *pitiable* «несчастный», *pitiful* «жалостливый», *piteous* «жалобный, достойный сожаления».

Синонимизация лексических единиц начинается в речи в определенных контекстуальных условиях. Такие синонимы называют контекстуальными, речевыми, окказиональными или авторскими. Их семантическое сближение обуславливается конкретным контекстом или ситуацией общения. Им противопоставляются общезыковые, или узуальные синонимы, которые, в отличие от окказиональных, принадлежат уже лексико-семантической системе языка.

Функционально-семантическая роль синонимов разнообразна и значительна. Они во многом определяют богатство языка, поскольку выполняют в нем ряд коммуникативно значимых функций — смысловозначительную, уточняющую, стилистическую, стилеразличительную и замещающую (в определенных контекстах).

Функционально-семантическое своеобразие синонимов позволяет классифицировать их по следующим разрядам:

- идеографические (греч. *idea* «понятие»), или семантические синонимы, — это близкие по значению слова, различающиеся сигнификативно (понятийно). Например: *приятель* — ‘человек, с которым кто-л. состоит в дружеских, коротких отношениях; близкий знакомый’; *друг* — ‘лицо, связанное с кем-н. дружбой’. Такие синонимы могут различаться степенью проявления признака (*жестокий*, *бессердечный*, *беспощадный*,

бесчеловечный), абстрактностью-конкретностью (*трудиться, работать*), широким или узким значением (*взрослый, совершеннолетний*), дополнительным смыслом (*залив* — часть водного пространства, вдающаяся в сушу, *бухта* — небольшой залив, защищенный от ветров и волнений, *губа* — морской залив с устьем впадающей в него реки);

- стилистические синонимы — близкие по значению слова, различающиеся лишь стилистическими признаками. Ср.: *беднота, нищета, голь, голь перекатная, голытьба, голь-тепа*. Как правило, синонимы этой группы выполняют разную модально-оценочную функцию. В их состав кроме общеупотребительной лексики могут входить книжные, разговорные, просторечные и бранные слова, а также слова из разных сфер употребления — диалектные, жаргонные, профессиональные. Нередко они служат и стилеразличительным средством;

- семантико-стилистические синонимы — это близкие по значению слова, различающиеся одновременно и понятийно, и стилистически. Ср.: *близкий* — имеющий непосредственное, прямое отношение к кому-либо, *свойский* (прост.) — связанный с кем-либо личными отношениями, *домашний* (разг.) — имеющий близкие внеслужебные отношения с кем-либо.

Функционально-семантические свойства синонимов широко используются в художественной и публицистической речи. В практически любом тексте синонимы выполняют семантико-прагматические функции. В медиаречи синонимы выполняют: а) функцию замещения, б) оценочную, в) уточнительную, г) экспрессивную, д) разъяснительную и е) текстообразующую функции.

Чаще всего говорят о *функции замещения*, благодаря которой возможность замены в определенных контекстах одного слова другим становится прагматической реальностью любого текста. Выполняя функцию замещения, синонимы используются как абсолютно равноценные знакообозначения. Синонимы, идущие друг за другом, в пределах ближнего контекстного окружения просто заменяют друг друга во избежание тавтологии, лексического однообразия. *На пути ко всякой цели стоит много препятствий. Только преодолевая преграды, человек может почув-*

ствовать себя по-настоящему счастливым. Препятствия и преграды — то, что преграждает путь, задерживает движение вперед: полные синонимы в замещающей функции.

Нередко это свойство синонимии называют основным. Разумеется, эта функция наиболее естественным образом присуща так называемым абсолютным синонимам. Чаще всего такого рода синонимы существуют как параллельные термины. Ср.: *орфография* — *правописание*, *госпиталь* — *лазарет*, *бездна* — *пропасть* и т. д. Со временем и абсолютные синонимы расходятся либо семантически, или по стилистическим свойствам, или по сфере употребления. В итоге им уготовано две судьбы. В одном случае они превращаются в обычные синонимы: *бюрократ* — *чиновник* (пренебр.) — *чинуша* (обих.-разг., пренебр.), *верить* — *веровать*. В другом — они утрачивают синонимические связи: *любитель* — *любовник* — *влюбленный*. Следует учитывать, что в целом ряде случаев в синонимах наблюдаются очень незначительные, едва уловимые различия. Вместе с тем, её не лишены и другие типы синонимов. С другой стороны, некоторые абсолютные синонимы усиливают свои дифференциальные смыслы, что требует вдумчивого отношения к их взаимному замещению. Так, слово *индустрия*, например, всё ещё используется как абсолютный синоним слова *промышленность*, что предполагает их взаимозаменяемость. Однако сегодня это уже не вполне корректно. В XIX и в первой половине XX века промышленность составляла единственное содержание понятия индустрии, потому что процесс индустриализации сначала охватил те секторы экономики, в которых объединение рабочих усилий и централизация управления являлись наиболее необходимыми. В первую очередь это касается машиноёмких производств и заводов. Однако к началу XXI века понятие «индустрия» стало широкозначным (в семасиологии это явление называется эврисемией слова). Теперь оно в равной степени применимо как к металлургии, так и к туризму, как к производству продуктов питания или тканей, так и к кинематографу. Поэтому уместно употреблять словосочетания *оборонная*, *бумажная*, *химическая*, *автомобильная промышленность*, равно как и *игровая индустрия*, *индустрия кино* или *киноиндустрия*, *книжная индустрия*.

Отмеченная тенденция наблюдается и в языке современных СМИ, где слово *индустрия* употребляется в более широком значении. Однако смысловые оттенки этих двух синонимов улавливаются не всегда. Обратимся к примерам: 1. В Латвии *сейчас нет большой военной индустрии*, но она дает возможность роста, и очень важно на стратегическом уровне говорить об участии Латвии в международных проектах, указал министр обороны Артис Пабрикс, открывая в Риге конференцию стратегического уровня «Чикагский саммит — инициатор перемен в НАТО и военной индустрии» (15.10.2012, Delfi.lv). В первом случае более уместным было бы употребление слова *промышленность*. Во-первых, потому, что и ранее не было машиноёмкого военного производства, во-вторых, потому, что некорректно сочетание *большая военная индустрия* — индустрия не может быть малой. Слово *индустрия* включает в свою семантику сему «большая». Видимо, следовало сказать «большой военной промышленности». К тому же это было бы и стилистически оправданно по отношению ко второму вполне, кстати, корректному использованию этого же словосочетания. Семантическая ёмкость слова *индустрия* позволила грамотно его употребить в программе «Новости»: Сначала июня военные источники *debkafile* уведомляли, что НАТО не хватает самолетов для обеспечения запрета на полеты авиации в ливийском воздушном пространстве... Сейчас это удостоверил и английский министр обороны, который добавил, что *военная индустрия* Британии и Европы не способна обеспечить боевые деяния войск, которые продолжатся на протяжении нескольких недель (Новости, 19.06.2011).

Ещё В. И. Даль счёл необходимым показать семантическое своеобразие слова *индустрия*. Его значение в современном русском языке, конечно же, несколько изменилось. Теперь уже это слово не используют в том смысле, который даёт В. И. Даль: «трудолюбие, искусство в промыслах; особая промышленность, работа ручная, ремесленная, фабричная». Его семантическая специфика хорошо обнаруживается в сопоставлении с его синонимом *промышленность*, употребляющимся в широком и узком смысле. В первом случае под ним разумеют вообще вся-

кую хозяйственную деятельность человека, которая ведется как промысел и направлена на создание, преобразование или перемещение материальных предметов. Говорят, например, о *добывающей, горной, сельскохозяйственной, обрабатывающей промышленности*. В более употребительном смысле, промышленность обозначает обрабатывающую промышленность, т. е. переработку сырья в предметы, годные для потребления. Синонимичное ему иностранное слово *индустрия* имеет несколько иной семантический спектр. Это слово заимствовано из латинского языка (лат. *industria*), где оно употреблялось в значении 'деятельность, усердие'. В наше время под словом *индустрия* обычно понимают весьма масштабный сектор экономики, включающий в себя (а) производство (промышленность), (б) сбыт товаров какого-то рода (в том числе и услуг как товара), (в) сопряжённые секторы и (г) потребительскую аудиторию. В силу сказанного в следующем примере словосочетание *военная промышленность* не заменяемо сочетанием *военная индустрия* уже хотя бы потому, что в тексте речь идёт о потреблении соответствующей продукции другими государствами. В свежем выпуске программы — рассказ о том, как государства обеспечивают свою национальную безопасность и какие вооружения для этого используются. Для многих стран это определяется именно российской *военной промышленностью* (Вести, 15.12.2012). Как видим, слово *индустрия* со столь широкой денотативной отнесенностью уже не всегда может заменять слово *промышленность*. Теперь уже некорректно говорить о *добывающей, горной, сельскохозяйственной, обрабатывающей индустрии*. В этих сочетаниях в качестве определяемого слова целесообразно употребить существительное *промышленность*.

Таким образом, хотя функция замещения, связанная прежде всего со стремлением избежать нежелательных повторений одних и тех же лексических единиц, является для синонимов ведущей, не всегда такое замещение улучшает текст. Необходимо учитывать смысловые нюансы каждого члена синонимического ряда. Наиболее эффективно замещение тогда, когда стираются контекстуальные различия между синонимами. В таком случае

синонимические замещения позволяют избежать нежелательных лексических повторов.

Вторая функция синонимии — семантико-прагматическое усиление высказывания. Ср.: *Устройство современной России зашифровано, запечатано, загримировано, как гримируют развалины фанерными, ярко раскрашенными щитами, запечатывают в сокровенный ларец таинственный амулет, зашифровывают в бессмысленных речениях ключевое слово...* (Завтра, январь, 2003). Усилительную функцию здесь выполняют контактно расположенные синонимы и однородные сказуемые, выраженные синонимическими глаголами. Синонимы, выстраиваясь в ряд так, что каждый следующий усиливает предыдущий, создают градицию. Усилительная функция синонимов, разумеется, менее присуща информационным и аналитическим жанрам, обладающим чертами фактологичности, документальности в передаче информации. Главное для них — факты и аналитичность. Художественно-публицистические жанры, напротив, предназначены для эмоционального воздействия на читателя. С этой целью, наряду с другими речевыми средствами, используется и синонимия, создающая максимальную экспрессивность. Здесь требование доступности и понимания, предъявляемое к информационным и аналитическим жанрам, обогащается коммуникативно-прагматическими аспектами: дополнительными значениями и коннотациями. Синонимия приобретает здесь ярко выраженный экспрессивный характер.

Столь же значимой для медиаречи является у синонимов и функция уточнения, дифференциации — изображение крупным планом одного какого-л. предмета, явления, признака при помощи ряда семантически близких и контактно расположенных слов, актуализирующих, акцентирующих изображаемое явление. Обычно — степень проявления признака, качества, свойства. Употребление синонимов, дополняющих друг друга, позволяет более полно выразить мысль, ограничить объем понятия, т. е. перейти от более широкого понятия к более узкому. Например: *Его доброта, вернее, его великодушные тронули меня.*

Уточнение основано на неполном совпадении значений синонимичных слов: синонимы позволяют «добавить» недостающие смыслы, вскрыть в обозначаемом новые стороны: *Он бежал, вернее, несясь. Ты устал, а вернее сказать, переутомился*. Чаше всего в роли уточняющих синонимов выступают обстоятельства места и времени. Они могут выстраиваться друг за другом, нанизываться одно на другое, образуя цепочки уточняющих членов. Например: *Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего детства, мне было весело подъезжать е первый раз к незнакомому месту* (Н. Гоголь).

Иногда синонимы выполняют функцию противопоставления. Это бывает тогда, когда необходимо подчеркнуть различия между объектами синонимического обозначения. Например: 1. *Она не шла, а шествовала*. 2. *Сегодня мне в голову залетела мысль о том, что надо перенести Москву на другое место. Вернее не Москву, а столицу*. Это нужно для оживления экономики и улучшения морального климата в целом (КП). 3. *Фильм посвящен череде событий, которые произошли в первый рабочий день полицейского Джейка, поступившего на работу в полицию, а точнее — в отдел по борьбе с наркотиками* (Газ.). 4. *Наш хоккей мы уже просмотрели. Точнее — проморгали* (Локомотив. Сайт болельщиков. 20.03.2012).

Причиной стилистических погрешностей нередко оказывается неудачный выбор синонима. Ср.: *Теперь в нашей печати отводится значительное пространство для рекламы, и это нам не импонирует* (Газ.). На первый взгляд, в одном из значений слово пространство («место, где что-то вмещается») по смыслу как будто подходит для его использования в данном контексте. И всё же в данном случае лучше употребить его синоним — *место* (*Реклама занимает много места в нашей печати*). Такой выбор синонима подсказывает лексическая сочетаемость этих слов (*свободное пространство, безвоздушное пространство — много места, мало места*). Иноязычное слово *импонирует* также требует синонимической замены: ...и нам *не нравится это*.

Употребляя синонимы в медиаречи, нужно помнить, что синонимы могут различаться разной функционально-стилистической окраской. Так, слова *ошибка, просчет, оплошность, погреш-*

ность — стилистически нейтральны, общеупотребительны. Этого нельзя сказать о других членах синонимического ряда: *про-руха* и *накладка* — носителях просторечия. Ещё больше стилистического своеобразия у разговорного синонима *оплошка* и профессионально-жаргонного *лял*. Употребление одного из синонимов без учета его стилистической окраски может привести к речевой ошибке. Ср.: *Совершив оплошку, директор завода сразу же стал исправлять*. При использовании синонимов часто не учитывается способность каждого из них в большей или меньшей степени избирательно сочетаться с другими словами. Различаясь оттенками лексического значения, синонимы могут выражать разную степень проявления признака, присущего соответствующим предметам номинации. Но, даже обозначая одно и то же, взаимозаменяясь в одних случаях, в других синонимы замещать друг друга не могут. В предложении *Вчера мне было печально, вместо слова печально, следовало бы употребить его синоним грустно*. Употребляя синонимы следует помнить, что они нередко различаются либо сферой употребления, либо оттенками значения, либо и тем, и другим.

АНТОНИМИЯ

Антонимия образуется двумя словами, обладающими общим инвариантным признаком. Общий семантический признак роднит их с синонимами. Однако если синонимия обязана своим возникновением семантическому сходству, которое обеспечивается расположением вокруг общего смыслового инварианта сем, то антонимия порождается максимальным удалением от него сем. Антонимы, как правило, относятся к одной части речи и образуют противопоставленные пары слов. Крайним пределом такого удаления служат самые крайние, полярные по смыслу точки: *весёлый* — *грустный*; инвариантная сема 'настроение'. Признак 'настроение' является семантическим инвариантом и для слов лексико-грамматической группы *грустный, печальный, не-весёлый, минорный* и т. п. Однако эти слова антонимической

пары не образуют, так как по отношению к инвариантной семе 'настроение' не занимают диаметрально противоположных, полярных позиций.

Антонимия (греч. *anti* «против», *опута* «имя») — это лексикологическая категория, выражающая в языке противоположные значения. Поэтому основным понятием здесь является «противоположность». Следовательно, чтобы раскрыть сущность антонимии, необходимо определить «противоположность». С точки зрения логики существуют два ее вида: а) противоположность компонентов (свойств, качеств) одной сущности и б) противоположность двух разных сущностей. Лексическая антонимия возникает на противоположности первого типа. Ср.: *закат* «время захода солнца»; *рассвет* «время восхода солнца». Основными признаками антонимичных слов выступают их (а) принадлежность к одной части речи и (б) противопоставленность по наиболее существенному семантическому признаку.

Отсюда следует определение: лексические антонимы — это два слова одного лексико-грамматического разряда (одной части речи), обозначающие через два разных понятия два разных денотата. Например: *благодаря* — *вопреки*, *одобрять* — *осуждать*, *радость* — *горе*, *широкий* — *узкий*. Кроме разнокоренных, существуют антонимы однокоренные: рус. *сжимать* — *разжимать*, *приносить* — *уносить*, *вкусный* — *невкусный*, *военный* — *антивоенный*, *сила* — *бессилие*. Обычно слова с противоположными значениями образуют бинарные (двучленные) ряды. Их принято называть антонимическими рядами, или антонимическими парами.

Противоположность подобных («классических») антонимов обеспечивается логическим взаимоисключением выражаемых понятий. Такое толкование антонимии является единственно приемлемым для сторонников «узкого» понимания этого явления. При «широком» понимании антонимии разряд соответствующих слов пополняется лексическими единицами, значения которых выражают не исключающие друг друга понятия. Между ними существует промежуточный член. Так, указывая рост человека, обычно используют два крайне противоположные понятия и среднее, промежуточное: *высокий* — *средний* — *низкий*. Неод-

нозначное содержание понятия «противоположность» побудило лексикологов (Л. А. Новиков, В. А. Иванова, М. Р. Львов) выделить следующие семантические типы антонимов:

- антонимы, выражающие контрарную противоположность типа *трудный* — *нетрудный*, *нелегкий* — *легкий*;
- антонимы, выражающие комплементарную (дополнительную) противоположность, когда отрицание одного является утверждением другого: *можно* — *нельзя*, *болен* — *здоров*;
- антонимы, выражающие векторную противоположность, т. е. взаимопротивоположную направленность: *любить* — *разлюбить*, *сторонник* — *противник*, *вверх* — *вниз*, *в* — *из*, *на* — *с* и др.

Антонимы первого типа обнаруживают градуальные (ступенчатые) оппозиции, показывающие постепенные изменения качеств, свойств или признаков. Истинную антонимию представляют здесь лишь крайние члены противопоставления. Средние члены указывают на степень выражения (возрастание или убывание) какого-либо качества. Ср.: *умный* — *способный* — *толковый* — *смекалистый* — *посредственный* — *неумный* — *ограниченный* (*недалекий*) — *бестолковый* — *глупый*.

Градуальная антонимия образует в языке целые семантические микрополя. Основную проблему антонимии такого типа составляют промежуточные члены, которые, во-первых, могут быть нулевыми, но в таком случае они всегда подразумеваются: *грубый* — <0> — *нежный* (голос). Отсутствие в языке специального словообозначения для промежуточного члена может компенсироваться описательно (в нашем примере — ‘не очень грубый’). Во-вторых, не всегда однокоренные слова с приставками *не-*, *без-* (*бес-*) являются антонимами. Однокоренными антонимами они могут быть только в том случае, если представляют диаметрально противоположности: *грамотный* — *неграмотный*, *содержательный* — *бессодержательный* (их промежуточные члены — *малограмотный* и *малосодержательный*). Однако, в разряд однокоренной антонимии нельзя включать слова, выражающие простое отрицание (*молодой* — *немолодой*, *высокий* — *невысокий*), поскольку их семантика лишена призна-

ка противоположности (немолодой — еще не значит *старый*, *невысокий* — не обязательно *низкий*). Контрарными антонимами следует считать слова, обозначающие симметричные полюса выражаемого качества.

Антонимы, выражающие комплементарность, исключают градацию качества. Они образуют бинарные (двучленные) ряды (*свой* — *чужой*, *жизнь* — *смерть*). Отрицание одного члена оппозиции дает значение другого.

Векторные антонимы были выделены в отдельный семантический тип в результате расширения понятия антонимии за счет однокоренных образований. Затем в разряд векторных стали включать и некоторые разнокорневые антонимы (рус. *вверх* — *вниз*).

Связь лексической антонимии с полисемией состоит в том, что разными своими ЛСВ многозначное слово может одновременно принадлежать нескольким антонимическим парам. Ср. *мягкий* 'легко поддающийся сжатию' — *твердый* 'такой, который с трудом поддается сжатию'; *мягкий* 'свежий' (о хлебе) — *черствый* 'несвежий'; *мягкий* 'нежный' (о чертах лица, о голосе) — *резкий* 'грубый'; *мягкий* 'нестрогий, снисходительный' — *твердый* 'непреклонный, без снисхождения'.

Многозначное слово обычно вступает в антонимические отношения с другими словами не в полном семантическом объеме, а лишь отдельными своими ЛСВ. Таким же образом лексические антонимы связаны и с омонимами. Ср.: *тихий* — *быстрый* (то *быстрое*, то *тихое* течение реки); *тихий* — *громкий* (*тихий* голос — *громкий* голос); *тихий* — *шумный* (*тихая* улица — *шумная* улица).

Более сложными являются связи антонимии с конверсией. Конверсия (лат. *conversio* — изменение, превращение) — это выражение при помощи разных слов (ЛСВ) двусторонних субъектно-объектных отношений. В связи с этим конверсивы, в отличие от антонимов, как минимум двухвалентны. Однако конверсивы и антонимы обладают принципиально важным сходством: они выражают логически несовместимые (противоположные, комплементарные) понятия. Ср.: *Брат старше сестры. Сестра младше брата.*

Пожалуй, наиболее значительными для системной организации словарного состава языка являются взаимоотношения антонимии и синонимии. Возникают они тогда, когда члены одного синонимического ряда вступают в антонимические отношения с одним каким-либо или со всеми словами другого ряда. Так, в русском языке антонимичные прилагательные *смелый* и *трусливый* входят в синонимические отношения с целой группой слов:

<i>смелый</i>	—	<i>трусливый</i>
<i>храбрый</i>		<i>боязливый</i>
<i>отважный</i>		<i>пугливый</i>
		<i>мужественный</i>
		<i>безбоязненный</i>
		<i>бесстрашный</i>
		<i>неустрашимый</i>

Между синонимическими рядами могут устанавливаться симметричные антонимические отношения, когда каждому члену синонимического ряда соответствует один или несколько антонимов:

<i>худой</i>	—	<i>костлявый</i>	—	<i>тощий</i>
<i>полный</i>		<i>пухлый</i>		<i>жирный</i>
<i>толстый</i>		<i>тучный</i>		

Разновидностью антонимии является «внутрисловная антонимия», или энантиосемия (греч. *enantos* — противоположный, *sema* — знак). Ср.: *убрать* — 1) 'удалить' (*убрать* мусор); 2) 'нарядить' (*убрать* елку). В. В. Виноградов называет такие слова «омоантонимами».

В результате развития энантиосемии в родственных языках появляются однокоренные слова, полностью или частично совпадающие по своему звуковому составу, но выражающие противоположные значения. Ср.: **vonja*, **vonjati*, где корень **ol* (*v* — протетический звук) «пахнуть», «запах». Если в сербском и словенском языках слова с этим корнем выражают то же значение, что и общеславянский корень (серб. *воњ* : *воњь*, «запах вообще»; *вољати* «пахнуть, нюхать»; словен. *vonj* «запах», *vonjti* «пахнуть, нюхать»), то в других славянских языках развились противопо-

ложные значения. В восточнославянских и болгарском языках слова с корнем *вон'* — имеют значение «дурной запах» (ср. в др.-рус.: *воня* «запах, благовоние»; *воняти* «пахнуть»). В западнославянских языках — чешском и польском — эти же слова приобрели противоположное значение: чеш. *vine* «благоухание, аромат»; *voneti* «хорошо пахнуть, благоухать» (но *zdpach*, *smrad* «вонь»; *pacnouti*, *smrdeti* «вонять»); польск. *won*, устар. *wonia* «запах»; *wonies* «пахнуть, благоухать, обонять».

Иногда производные от одного и того же корня в разных родственных языках развивали противоположные значения, намного удалившись от семантики производящего. Ср.: **rodъ* (то, что родилось) «семья, поколение»; рус. *урод* — человек с физическими недостатками (полагают, образовано от сущ. *родъ* с помощью приставки *у-* в отрицательном значении, что означало «рожденный не в род», «чем-то отличающийся от остальных в роду»); польск. *uroda* «красота, милость»; укр. *врода* «красота, краса», *вродливий* (*уродливый*) «красивый, пригожий».

По характеру дифференциальных признаков лексические антонимы подразделяются на *узуальные* (языковые) и *окказиональные* (речевые, или индивидуально-авторские).

Узуальные антонимы обладают следующими признаками:

- выражаемые ими противоположности известны всему языковому сообществу;
- такие лексические единицы относятся к определенной части речи;
- регулярно воспроизводятся в одном и том же контексте;
- в лексико-семантической системе языка занимают вполне определенное место и характеризуются стабильными связями и отношениями с другими лексическими микросистемами;
- устойчивыми стилиобразующими функциями;
- общественно осознанной коннотацией.

Рассматриваемые выше антонимы являются узуальными.

Окказиональные же имеют следующие отличия:

- в обычном употреблении не выражают противоположные значения;

- не обладают регулярной воспроизводимостью в каком-либо контексте;
- поскольку не принадлежат системе языка, то не отражаются в словарях;
- характеризуются более яркими стилистическими и коннотативными свойствами;
- по преимуществу являются однокорневыми, производными;
- противоположные значения выражают лишь в единичном, отдельно взятом контексте.

Классическим примером окказиональной антонимии может служить противопоставление *поэта* и *гражданина* в известном стихотворении Н. А. Некрасова: «*Поэтом* можешь ты не быть, но *гражданином* быть обязан». Речевыми антонимами чаще всего оказываются однокоренные префиксальные производные типа *выдвижение* — *задвижение*, *любовь* — *безлюбие*; реже — однопрефиксальные окказионализмы типа *сокурсник* — *собутыльник*, *содружество* — *совражество*.

В основе всех функций лексических антонимов лежит их основное категориальное свойство — способность выражать противоположности. Таковой, прежде всего, является функция **контрастного сопоставления**: (не) *х*, а *у* (ты *богат*, а я *бедна*); *х*, но *у* (*включили*, но *выключить* не успели). Выделяют также **разделительную** функцию лексических антонимов в двух ее разновидностях: а) разделительной (сильной) дизъюнкции (лат. *disjunctio* «противоположение, разделение»): *х* или *у* (*веселые* или *грустные* истории), где *х* и *у* исключают друг друга; б) разделительно-соединительной (ослабленной) дизъюнкции, где *х* и *у* не исключают друг друга (любые рассказывай сказки — *веселые* или *грустные* — все равно). Лексические антонимы могут употребляться для выражения чередующихся, следующих друг за другом действий или событий — то *х*, то *у* (семафор включал то *зеленый*, то *красный* свет).

Нередко антонимию слов используют для обозначения некоторого единства противоположных предметов, явлений, признаков и т. п.: от *х* до *у*, с *х* до *у*, от *х* к *у* (от *мала* до *велика*, с *утра* до *вечера*, от *любви* к *ненависти*). При помощи лексической анто-

ними осуществляют также конъюнкцию (лат. *conjunctivus* «соединительный»), т. е. соединение противоположностей: *х* и *у* (*радости* и *печали* бесчисленными нитями переплелись в ее долгой жизни). Антонимия служит эффективным средством создания таких стилистических фигур, как а) антитеза (свободносинтаксическая — *ни хорошо ни плохо*, фразеологическая — *ни свет ни заря* — «очень рано», *ни холодно ни жарко* — «совершенно безразлично кому-либо; нисколько не трогает, не волнует»; б) оксюморон (греч. *охутогон* «остроумно-глупое»): *живой труп*, *звонкая тишина*, *горячий снег*.

Итак, лексические антонимы — это разные слова или ЛСВ, выражающие противоположные значения и выполняющие в речи функции различных противопоставлений.

В медиаречи антонимы часто реализуют **функцию противопоставления**. Наиболее ярко она проявляется при употреблении известных антонимических пар в качестве заголовка. С этой целью обычно обращаются к названиям литературной классики. Например: *Отцы и дети* (И. С. Тургенев); *Волки и овцы* (А. Н. Островский); *Преступление и наказание* (Ф. М. Достоевский); *Война и мир* (Л. Н. Толстой); *Живые и мертвые* (К. Симонов); *Толстый и тонкий* (А. П. Чехов); *Коварство и любовь* (Ф. Шиллер) и др. Не менее активно используются антонимы также и в других функциях:

а) **функции взаимоисключения**: *Над нами — сумрак неминуемый, Иль ясность божьего лица... Когда засыпает совесть, просыпается война*;

б) **функции чередования**, последовательности фактов, когда антонимией передаётся смена картин, наблюдаемых в жизни, действий, событий (*Вот вдали блеснула ясная зарница, вспыхнула и погасла*);

в) **функции охвата всего класса** предметов, явлений, качеств, свойств, признаков до полной их исчерпанности: *Суди о человеке больше по его вопросам, чем по его ответам*; *Скудны, нищи, жалки люди и в добре, и в зле!*;

г) **функции противоречия**, показывающей превращение одной противоположности в другую: *День был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета*.

Антонимы могут выполнять и *текстообразующую функцию*. В таком случае известное противопоставление обыгрывается автором в определенных прагматических целях. Так поступает автор в следующем фрагменте текста (речь идет о принципах этики Умберто Эко): *В таком случае, этика волка состоит в том, чтобы съесть овцу, а этика овцы в том, чтобы быть сведенной. По крайней мере, именно эта метафора реализуется в столкновении либерального сознания и Церкви — будь то Церковь Православная или Католическая. Последняя, впрочем, в наши дни особенно страдает от того, что этические либеральные волки пожирают стадами ее овец* (URL: <http://www.portal-slovo.ru/> Новый человек «Эры Водолея». Олеся Николаева). Дистантно расположенные в тексте слова-антонимы служат метафорическому единству всего полемического дискурса.

Оживляют речь так называемые окказиональные, или индивидуально-авторские антонимы, о сущности которых спорят не только лингвисты. Так, после посещения театра зритель обратился в сетевом форуме с, казалось бы, необычным вопросом: «Услышала в анонсе спектакля: „Мать хотела, чтобы дочь вышла за богатого, а та влюбилась в простолюдина“. Насколько правомерно такое противопоставление с точки зрения языка? Являются ли простолюдин антонимом богатому?». — Разумеется, полярность значений таких слов не закреплена в русском языке. Их противопоставление носит индивидуально-авторский характер. Слова, выражающие соответствующие понятия, не являются антонимами, так как их противопоставление не воспроизводится в языке. Оно окказионально.

Раскрыть противоречивую сущность предметов или явлений можно лишь при условии правильного употребления антонимов в речи, при умелом построении соответствующих стилистических фигур. Одной из них является антитеза (гр. *antithesis* — противоположение). С её помощью создаётся контраст, резкое противопоставление понятий, положений, образов, состояний. Примером антитезы может служить крылатая фраза Н. А. Некрасова «*Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь*» («Кому на Руси жить хорошо»). Прагматический эффект

антитезы повышается, если в ней оказываются сопряженными (а) функция синонимической градации (нанизывание синонимов, когда каждый последующий синоним усиливает значение предшествующего) и (б) антонимическая функция противопоставления.

Если автор не находит в языке слов для точного обозначения нужного понятия, он использует приём, противоположный антитезе. Он заключается в отрицании контрастных признаков у предмета или человека путём нанизывания антонимов в отрицательных конструкциях. Это подчеркивает заурядность описываемого, отсутствие у него ярких качеств, четко выраженных признаков. Мастерски использовал этот приём Н. В. Гоголь, описывая Чичикова: *«В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод»*. Гоголь преднамеренно представляет своего героя так, что мы не можем сказать о нем что-то конкретное: он неуловим как для полиции, так и для людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. В медиаречи этот приём уместно использовать в том случае, если в языке нет точного слова для обозначения нужного предмета мысли. Например: *Могут ли два человека управлять Россией, даже если они представляют собой разные направления развития страны? Оказывается, могут, но только до 2012 года. И тут уже им придётся разбираться с проблемой «если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...», ведь на кону будет стоять целых 12 лет «президентства»* (Сов. Россия, 15.04.2012).

Сопоставление антонимов в высказывании придает особую значительность каждому из названных ими предметов, что усиливает выразительность речи (*Горы разделяют страны, но сближают людей*). Антонимические сочетания используются и в оксюморе (гр. *оухотоп* — остроумно-глупое). Этот прием состоит в соединении контрастных лексических единиц с целью изображения нового, необычного понятия. Ср.: *«Плохой хороший человек»* (название кинофильма). Одни оксюмороны строятся на подлинных антонимах (*начало конца*), другие — на словах с противоположными значениями, объединяемых как определяемое и определяющее: *«Живой труп»*; *«Оптимистическая трагедия»*;

«Пышное природы увяданье». Слова, используемые в таких оксюморонах, нельзя назвать антонимами в строгом значении термина, так как они принадлежат к разным частям речи.

В ироническом контексте может быть употреблен один антоним вместо другого: *Откуда, умная, бредешь ты голова?* Прилагательное *умная* относится к Ослу, и мы понимаем, что за этим определением стоит его антоним — *глупая*. Употребление слова в противоположном значении называется антифразисом (гр. *anti* — против + *phrasis* — выражение). К антифразису часто прибегают в разговорном стиле. Например, *р а с с е я н н о м у* человеку в шутку обычно говорят: *Какой ты внимательный!; з л о м у: Как ты добр!* и т. д.

Антонимия привлекается не только для выражения контраста. Антонимы могут показать широту пространственных и временных границ (С южных гор до северных морей). Столкновение в речи антонимов — многозначных слов порождает каламбур. Например: *Самый **отдаленный** пункт земного шара к чему-нибудь да **близок**, а самый **близкий** от чего-нибудь да **отдален*** (Козьма Прутков). Этот стилистический прием характеризуется игрой слов, возникающей в результате восприятия многозначных слов сразу в нескольких значениях.

Антонимия многозначных слов может развивать внутрисловную антонимию, то есть э н а н т и о с е м и ю (гр. *enantios* — противоположный + *sema* — знак). Возникает она у многозначных слов, развивающих взаимно исключают друг друга значения. Например, глагол *отходить* может означать «приходить в обычное состояние, чувствовать себя лучше», но он же может также означать «умирать, прощаться с жизнью». Энантиосемия становится причиной двусмысленности. Например: *Редактор **просмотрел** эти строки; Я **прослушал** дивертисмент; Оратор **оговорился** и под.*

Во всём многообразии семантико-прагматических проявлений антонимия как языковое явление представляет один из способов выражения системных отношений в словарном составе русского языка. Благодаря этому она позволяет проникнуть в глубинную сущность описываемого явления, обратить на него вни-

мание читателя (слушателя, собеседника). Поскольку богатство и разнообразие антонимов создают неограниченный выразительный потенциал русского языка, это обязывает автора серьезно и вдумчиво относиться к их использованию.

ПАРОНИМИЯ

В русском языке, как и в других языках мира, имеются созвучные, родственные по корню слова, выражающие, хотя и разные, но все же родственные значения. Ср.: рус. а) **здравица** — 1) краткая речь в честь кого-л. с пожеланием здоровья; заздравный тост и б) **здравница** — учреждение для лечения и отдыха (санаторий, дом отдыха и т. п.); а) **рыбий** — 1. прил. к рыба: **рыбья чешуя**; **подавиться рыбьей костью**; 2) добытый из рыбы: **рыбий жир** (жир из печени трески, употр. как лекарство и в технике); **рыбий клей**; 3) **перен.** бесстрастный, невыразительный, бесцветный, как у рыбы: **рыбы глаза** и б) **рыбный** — 1) соотносящийся по значению с существительным рыба, связанный с ним: **рыбная ловля**, **рыбная торговля**, **рыбные промыслы**, **рыбные богатства России**; 2) свойственный рыбе, характерный для нее; приготовленный из рыбы: **рыбные консервы**, **рыбный суп**; 3) предназначенный для добычи, обработки, продажи рыбы: **рыбная бочка**, **рыбный садок**; 4) изобилующий, богатый рыбой: **рыбное озеро**, **рыбная река**. Такого рода созвучные однокорневые слова с разными значениями называются **паронимами** (др.-греч. *пара-* — приставка со значением смежности, *вома* — имя), а само явление сходства звуковой формы слов — **паронимией**. Вслед за В. П. Григорьевым, целесообразно выделять следующие типы паронимии: 1) **вокалический**: **Бабий платок** и **пилотка солдата** (А. Твардовский); 2) **метатетический**: **ворчали овчарки** (Б. Пастернак); 3) **эпентетический**: **Поощадыт ли площади меня?** (Б. Пастернак); 4) **консонантный**: **Несли не хоронить** — **несли короновать** (А. Вознесенский); 5) **аугментативный**: **скандалы точно кандалы** (А. Вознесенский).

Казалось бы, паронимические отношения слов в русском языке достаточно просты (*кворум* — *форум*, *сыто* — *сытно*, *нары* — *нарты*). Это все лишь слова, близкие по звуковому составу. Однако всегда ли так легко определить эту близость? Являются ли паронимами любые близкие по звучанию слова или только однокорневые? Если подходить к этому вопросу широко, то паронимами следует признать и такие созвучные слова, как *дрель* — *трель*, *ланцет* — *пинцет*, *фарш* — *фарс*, *эскалатор* — *экскаватор*, *вираж* — *витраж* и др. Однако в отличие от рассмотренных выше примеров, их звуковое подобие носит случайный характер и не закрепляется всем многообразием системных отношений в языке. К тому же сопоставление разнокорневых созвучных слов нередко осуществляется весьма субъективно. Одному кажутся созвучными слова *вираж* — *витраж*, другому — *вираж* и *мираж*, а третьему — *вираж* и *метраж*. Поэтому вполне благоразумно такие разряды слов разграничивать. В настоящее время преобладает убеждение, что к паронимии следует относить только однокорневые, а значит и семантически родственные слова со сходным звуковым составом.

С точки зрения семантики среди паронимов выделяются две группы.

1. Паронимы, различающиеся тонкими смысловыми оттенками: а) *желанный* — 1) тот, к кому стремятся, которого желают; 2) тот, кто мил, дорог; 3) тот, кто возбуждает любовное влечение страсть и б) *желательный* — соответствующий чьим-л. желаниям; а) *жизненный* — 1) прил. к сущ. *жизнь*, необходимый для поддержания жизни: *жизненные ресурсы*, *жизненные потребности*, *жизненный процесс*, *жизненная мудрость*, *жизненный опыт*, *жизненные припасы*; 2) крайне важный, насущный, необходимый, актуальный: *жизненное предложение*, *жизненная постановка вопроса*; б) *житейский* — обыденный, свойственный повседневной жизни: *житейская мудрость*, *дело житейское!* (чему удивляться — всё как обычно; разг.), *житейское море* (жизнь с ее заботами; устар.); а) *дипломатический* — 1) соотносящийся по знач. с сущ. *дипломатия*, *дипломат*, связанный с ними: *дипломатическая нота* — официальное дипломатическое письменное

обращение одного государства к другому, **дипломатический корпус** — совокупность послов и др. дипломатических агентов, аккредитованных при одном и том же государе или правительстве, **дипломатический визит** — средство установления и поддержания деловых связей сотрудников дипломатических представительств с официальными и другими кругами страны пребывания, а также членами местного дипломатического корпуса, **дипломатический курьер** — официальное лицо, которому поручается доставка дипломатической почты, **дипломатический наблюдатель** — представитель государства или международной организации, направляемый для участия в работе международных конференций, организаций и органов; б) **дипломатичный** — 1) свойственный дипломату, характерный для него; 2) перен. свойственный дипломатии, характерный для нее; искусный, тонкий в отношениях с другими; уклончивый, тонко рассчитанный. Ср.: Кремль советует послу США в России Майклу Макфолу быть более **дипломатичным**. Об этом заявил журналистам помощник президента РФ Юрий Ушаков на просьбу прокомментировать недавние острые высказывания американского посланника. «Послы должны быть **дипломатичными**», — цитирует Ушакова ИТАР-ТАСС. — «Я сам был послом в США почти 10 лет, и мне бы не хотелось комментировать слова коллеги» (URL: <http://globalconflict.ru/geopolitics/3899-kreml-makfol-dolzhen-vesti-sebya-bolee-diplomaticchno>).

2. Особую функционально-прагматическую роль выполняют паронимы, отличающиеся **стилистической окраской**. С одной стороны, это, как правило, общеупотребительные слова, а с другой, специальная лексика. Ср. *работать* (общеупотр.) и *срабатывать* (спец.) в газетном тексте: 1. Новый главный тренер футболистов московского «Локомотива» Славен Билич будет из всех сил **работать** с железнодорожниками, заявил агентству «Р-Спорт» экс-футболист сборной России Александр Мостовой (МОСКВА, 14 мая — РИА Новости). 2. Действующие против Ирана международные санкции **не срабатывают** в той мере, как на это надеялись западные государства, одновременно принявшие собственные более жесткие меры давления на Тегеран. Это признала сегодня британская газета деловых кругов «Файнэншл

таймс» (ITAR-TASS. Виталий Макаревич). В подобном паронимическом соотношении находятся также слова *прожить* и *проживать*. Первое слово общеупотребительное, а второе просторечное. Ср.: 1) 'пребывать живым, просуществовать': Я прожил жизнь, певцом, поэтом, // Шутом и краснобаем слыл, // Но не нажил себе при этом, // Ни славы, ни могучих крыл (Генрих Акулов). 2) перен. перех. 'тратить, расходовать на жизнь, на существование': За свою карьеру я видел очень много людей, особенно в США, которые потеряв работу или бизнес, тихо ждали, что удача когда-нибудь повернется к ним опять лицом. Они **проживали** накопленные деньги и пытались устроиться на работу по специальности (Михаил Майоров. URL: <http://www.codex-bank.ru/news/v-krizis-ne-stoit-polagatsya-na-chuzhie-vyvody.html>).

Созвучных слов, подобных рассмотренным выше, в русском языке большинство. Их значения фиксируются лингвистическими словарями (толковыми, словарями паронимов, словарями однокорневых слов, словарями трудностей). Гораздо меньше паронимов, которые характеризуются значительными семантическими расхождениями. Например: **комик** в значении 'артист, исполняющий комические роли' (**комедийный сюжет**) и **комикс** — 'небольшая, наполненная иллюстрациями книжка лёгкого, обычно приключенческого содержания'. Ср.: 1. Рассел Брэнд — *разносторонне развитая личность: актер, стэндап-комик, ведущий на радио и телевидении, писатель, публицист и просто большой юморист по жизни* (Газ.). 2. **Комикс** на русском впервые появился в конце XIX и начале XX века. Сейчас **комиксы** по праву считаются мировым искусством (Газ.).

Как несложно заметить, большинство паронимических рядов двучленно, однако встречаются и многочленные цепочки паронимов. Ср.: *водянистый* — *водный* — *водяной*, *голод* — *голодание* — *голодовка*, *кровавый* — *кровный* — *кровяной*, *цветистый* — *цветной* — *цветовой* — *цветочный*, *выплатить* — *заплатить* — *оплатить* — *уплатить*, *игорный* — *игральный* — *игранный* — *игривый* — *игристый* — *игровой*.

В силу звукового подобия паронимы представляют не только теоретический интерес для понимания тождества и вариан-

ности слова, но и проблему практической лексикологии (постоянно возникает необходимость их разграничения во избежание ошибочного словоупотребления). Однако несмотря на свою функционально-прагматическую востребованность, паронимия стала предметом специального изучения лишь со 2-й половины XX в. В связи с этим в толковании паронимии немало не только спорного, но и противоречивого. Прежде всего, это касается сущности паронимии. Одни ученые считают, что паронимия — явление языковое, другие утверждают, что паронимия — явление речи. Подобные противоречия в понимании лексического созвучия снимаются разграничением собственно паронимии — явления *я з ы к о в о г о* и паронимазии — явления *р е ч е в о г о*.

Языковая сущность паронимии обуславливается тем, что паронимические отношения между словами возникают в результате объективного и закономерного развития языка. Начальной фазой паронимизации обычно является лексико-семантическое варьирование слова. Вариации звуковой формы слова вначале не приводили к его смысловой дифференциации. Ср. *советник* — должностное лицо (советник юстиции, советник посольства, в царской России — статский / титулярный / надворный советник) и *советчик* — ‘тот, кто даёт советы’.

Затем слово *советчик* постепенно утрачивает второе значение, употребляясь только в первом, а *советник* специализируется во втором значении (*советник президента, советник юстиции*). Так вариантные лексические единицы (аллолексы) преобразуются в паронимы. Процесс паронимизации состоит в приобретении аллолексами различительных семантических признаков.

Вторым признаком языковой сущности паронимов является возможность их образования по существующим в том или ином языке словообразовательным моделям (*соседний* — *соседский*, *царский* — *царственный*, *удодный* — *удодливый*; *адресант* — *адресат*, *газовик* — *газовщик*, *здравница* — *здравница*; *обогреть* — *огреть*, *восходить* — *всходить* и др.).

Третьим признаком языкового статуса паронимов служит их соотносимость со смежными языковыми явлениями — вариан-

тами слов, омонимами, синонимами, антонимами и словами народной этимологии. С вариантами слов паронимы, как было показано выше, связаны, прежде всего, генетически. Отсюда сходство их морфемной структуры и стилистических функций. Главное различие — в семантике: варианты слов сохраняют семантическое тождество лексической единицы (*ноль* — *нуль*), а паронимы — разные по значению слова (*поиски* — *происки*, *оговорка* — *отговорка*).

С омонимами паронимы роднит сходство их звуковой формы. Особенно близки к ним частичные омонимы (омофоны и омографы). Ср. омофоны *грипп* — *гриб*, омографы *атлас* — *атлас* и паронимы *дипломант* — *дипломат*. Принципиальное отличие этих слов состоит в том, что паронимические связи охватывают и формально-структурные, и семантические отношения слов, тогда как омонимы соотносятся только по тождеству внешней, фонетической формы при полном отсутствии семантического единства.

Не менее сложными являются отношения между паронимами и однокоренными синонимами. Обе лексикологические категории — однокоренные образования. И это их сближает. Ср. паронимы *земной* — *земляной* и словообразовательные синонимы *нарядить*, *разрядить*, *вырядить*. Синонимы, как известно, обозначают *один и тот же денотат* при определенных сигнификативных различиях (*нарядить* «красиво одеть», *разрядить* (разг., усилит.) «очень нарядно одеть», *вырядить* «чрезмерно нарядно одеть или нарядно одеть не ко времени, не к месту»). Паронимы же всегда обозначают *разные денотаты*, хотя и выражают сходные (смежные) понятия (*земной* «относящийся к земному шару», «обычный»; *земляной* «состоящий из земли; относящийся к земле как веществу»). Кстати, каждый член паронимической пары может иметь синонимические слова, которые по отношению к другому парониму синонимами не являются. Ср.: *злой*, *злбный*, *недобрый*, *недоброжелательный* — *злостный*, *злонамеренный*, *злокозненный*.

Паронимы и однокоренные антонимы сходны лишь внешне: обе категории слов — однокоренные лексические единицы. Различаются же они понятийной отнесенностью: паронимы выра-

жают разные, но параллельные понятия; антонимы же служат выражению противоположных понятий. Ср. паронимы *охла-деть* — *охладить* и антонимы *приходить* — *уходить*. В связи с этим антонимы характеризуются одинаковой лексической сочетаемостью (*радостные воспоминания* — *безрадостные воспоминания*); паронимы же отличаются разной сочетаемостью (*скрыто тенью* — *скрытно действовал*).

Итак, сопоставление паронимии со смежными лексикологическими категориями показывает, что паронимы наряду с фонетическим сходством обладают семантическим родством и общностью корневого этимологического признака. Если синонимы — это разные слова, выражающие близкие значения, омонимы при полном тождестве звуковой формы различны по содержанию, антонимы всегда противоположны по значению (содержанию) при сходстве (однокоренные) или различии формы, то паронимы — это лексические параллели как по форме, так и по содержанию. Такое определение сужает денотативное пространство паронимии и отграничивает ее от паронимазии (др.-греч. *παρωνομασία*, от *παρά* — возле и *ονομάζω* — называю), для которой доминантным существенным признаком является лишь параллелизм формы (созвучие слов). Иными словами, при паронимии созвучные слова обозначают смежные денотаты, а при паронимазии абсолютно разные.

Паронимия и паронимазия различаются главным образом функционально. Паронимия — результат языкового развития, продукт нормального функционирования языка. Паронимы способствуют устранению смысловой перегрузки отдельных его элементов. Ср.: *абонемент* — *абонент*, *практический* — *практичный*, *поглотить* — *проглотить*, *великий* — *величественный*, *враждебный* — *вражеский*, *домашний* — *домовитый* — *домовый* и др. Паронимазия — факт окказионального словоупотребления, продукт авторского словотворчества, результат ненормативного словообразования. Семантическое расстояние между словами-паронимазами (паронимазийными словами) определяется полным отсутствием у них общей семы, тогда как «родство» корней (пусть даже этимологическое) слов-паронимов предполагает на-

личие в их семантике интегративных сем. Ср. паронимы *комический* — *комичный* (общая сема 'комедия' — 'умора') и паронимазы *комический* — *космический* (общей семы нет). Паронимазия не является языковой закономерностью, это исключительно речевое образование. Если признаки паронимии сосредоточены в морфемной структуре слов, то признаки паронимазии — в их фонетическом сходстве (в частичной омофонии).

Парониматические отношения между словами возникают или случайно (ошибочное словоупотребление), или преднамеренно (для усиления речевого воздействия, создания сатирического или комического эффекта — к а л а м б у р а). Стилистически *преднамеренное сближение* слов, имеющих звуковое сходство, называется *паронимической аттракцией*.

Психосемантический механизм воздействия паронимической аттракции на читателя состоит в том, что намеренное сближения слов-паронимазов заставляет обратить на них внимание. Игра на этимологическом или случайном языковом сходстве паронимических аттрактантов наводит на мысль об их родстве по корню, мнимом или действительном. Стилистический эффект паронимазии заключается в том, что слова-паронимы, независимо от их реального этимологического или случайного сходства конденсируются в особое ассоциативное поле или в особый ассоциативный ряд, в котором оказываются неотделимыми их форма и содержание.

В основе паронимической аттракции лежит создание нового, непривычного соотношения между формой и содержанием. Это новое непривычное синтагматическое соединение в норме несовместимых слов, что нарушает автоматизм узнавания. Вместо ожидаемого возникает «неожидаемое», названное Р. О. Jakobson э ф ф е к т о м о б м а н у т о г о о ж и д а н и я. Например: *Пресса открыла ужасные неполадки в раскладушечном деле. Тысячи дачников и дачниц, которые приобрели эти прохвостовы ложа, ругались очень крепкими словами* (И. Ильф, Е. Петров. Добродушный Курятников). Паронимическая аттракция создается неожиданной заменой в компонентном составе фразеологизма *прокрустово ложе* прилагательного *прокрустово* на

прохвостово. Паронимический эффект основан на семантическом сближении паронимов. В его основе лежит лексическая *интерференция*, или взаимопроникновение сходных слов на фоне *конденсации* (стягивания) паронимастического контекста. Итак, такого рода интерференция (взаимопроникновение сходных по звуковому составу слов) характеризуется (а) *возникновением двойного смысла*, (б) *нарушением языковой нормы* и (в) *эффектом неожиданности*.

Паронимическая аттракция нередко используется как средство речевой характеристики малообразованного человека, не осознающего комичности своего высказывания, или как явная игра в созвучии слов. При их использовании нужно помнить об особенностях их лексической сочетаемости. Ср.: *экономические последствия*, но *экономичное ведение хозяйства*; *богатое наследство*, но *тяжелое наследие*; *выполнять обязательства*, но *исполнять договор*. Например: *Первая фраза, которую я услышал в учебном центре спецназа: «Запомните! Для спецназа невыполнимых задач нет! Просто нет! И вы здесь для того, чтобы научиться выполнять невыполнимые задачи!» Исполнить договор страхования — значит выполнить вытекающие из него обязательства. Обязательство страхователя обычно увязывают с уплатой страховой премии.*

Правильное употребление паронимов — необходимое условие грамотной речи, и, напротив, смешение их — признак невысокой речевой культуры. Особенно бережного обращения и повышенного внимания требуют паронимы. Так, практически каждого говорящего настораживает употребление глаголов *предоставить* и *представить*: *предоставить отпуск / слово*, но *представить отчет, доклад*; *представить к поощрению, награде*. Можно привести немало примеров их удачного использования в СМИ. Однако в радио- и телепередачах, в выступлениях политиков на митингах, с разного рода публичными заявлениями депутатов в Госдуме и чиновников по тому или иному официальному поводу, встречаются и ошибочные употребления слов-паронимов (См. работу, написанную по материалам теле-, радиопередач и газет: «Из Мониторинга нарушений норм

речи в СМИ» (2). Достаточно часто путают, например, глаголы *свыкаться* и *привыкать*. Первый глагол имеет одно значение — ‘освоившись, привыкать к кому-, чему-н.’ Единственное, с чем не мог долго *свыкнуться*, так это с холодом. Но потом все же приспособился (Новые известия, 23.06.2005). А некоторые, напротив, став богатыми, при недостаточном образовании, в свою очередь, не смогли *свыкнуться* со своей новой ролью. Так что не только бедность, но и богатство родителей может оказать медвежью услугу отпрыску, способствуя знакомству с наркотиками в очень юном возрасте (Московская правда, 12.07.2005).

Второй глагол (*привыкать*) выражает три значения: 1) усваивать, приобретать привычку к чему-л.; приучаться что-л. делать, как-л. поступать; 2) осваиваться, свыкаться с кем-л., чем-л.: *Валерию, как уроженцу юга, трудно было привыкнуть к суровому климату*; 3) чувствовать привязанность к кому-л., чему-л.: *Молодые птицы (жако) привыкают к человеку достаточно быстро. так как для птиц особое значение имеет эмоциональная окраска произносимых слов* (URL: <http://www.mybirds.ru/faq/gray.php>).

Иногда паронимы как бы сталкивают в тексте, чтобы обратить внимание на их смысловое различие. Например: *Знающий язык своего народа писатель не спутает пустошь и пустырь: пустошь распахивают, а пустыри застраивают* (А. Югов). В речи преднамеренно могут употребляться и паронимические индивидуально-авторские образования. Их назначение — создание каламбура: *памятник первоопечатнику* (ср. *первопечатнику*), *содрание сочинений* (ср. *собрание*). Комический эффект от сближения таких созвучных слов достигается благодаря совершенно неожиданной игре слов в знакомых и устойчивых выражениях, которые приобретают при этом новую образность и выразительность.

Важно помнить, что паронимы в речи не взаимозаменяются. Случаи взаимозамены (при ошибочном словоупотреблении) приводят к искажению смысла высказывания.

Овладение парадигматикой слова во многом определяет уровень словесного творчества журналиста. Ведь каждая ситуация,

описываемая в материале, требует точного выбора слова. Шаблонно написанный текст — показатель низкой культуры речевого мышления. Писать в беллетристическом стиле — недопустимо для медиаречевой деятельности. Это исключают многие речевые жанры медиадискурса. Таковы заметка, хроника, информационное сообщение. Они по определению должны давать краткую информацию об актуальных событиях. Здесь важно не художественное отражение произошедшего факта, а точность и лаконизм в его изображении. Приходится выбирать из синонимического ряда доминанту, т. е. стилистически нейтральное слово, выражающее «чистое» значение синонимического ряда без каких-либо коннотаций. Вместе с тем необходимость с наибольшей точностью выразить мысль требует от автора выбора из синонимического ряда или антонимической пары того слова (в соответствующем ЛСВ), которое помогло бы оптимально выразить авторские намерения.

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Мгновенный подбор слов для выражения нужной мысли обеспечивается парадигмальным (системным) хранением словарного состава языка в нашем языковом сознании. Рассмотренные выше лексико-семантические категории входят в более крупные группировки слов — лексико-семантические поля (ЛСП), лексико-семантические группы (ЛСГ) и тематические ряды, или тематические группы (ТГ).

Слова, входящие в ТГ, объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой. Общая идентифицирующая сема для них не обязательна. Отличительным признаком ТГ является экстралингвистическая (внеязыковая) обусловленность отношений между составляющими его словами. Следовательно, *тематическая группа* — это совокупность слов, обозначающих определенную предметную область. В ТГ могут входить слова, принадлежащие к разным частям речи. Именем ТГ является слово, служащее родовым названием данной денотативной сферы. Чаще всего между членами ТГ устанавливаются отношения включения

или пересечения, т. е. отношения «род — вид», «часть — целое» и т. п. Например, фрагмент ТГ «части растения» — *зерно, семя, корень, клубень, росток, побег, поросль, всходы, почка, плод, цветок, ягода*.

В составе ТГ выделяются ЛСГ — классы слов, объединенных как минимум одним семантическим признаком. ЛСГ объединяют слова одной части речи. ЛСГ представляют собой оппозиции объединенных в одну группу слов одной и той же части речи с сопоставимыми и взаимосвязанными лексическими значениями, имеющими в своей семантической структуре общую сему. Противопоставляются они друг другу по дифференциальным семам таким образом, что для каждого слова в составе ЛСГ имеется хотя бы одна лексическая единица той же ЛСГ, с которой оно вступает в отношения выбора при использовании лексем в речи.

ЛСГ — это объединения слов, значения которых различаются разной степенью проявления признака, качества, действия или их противопоставлением. Ср.: 1) ЛСГ «глаголы мышления» — *думать, размышлять, вспоминать, представлять, обдумывать, мечтать, предполагать*; 2) ЛСГ «вкусовые прилагательные» — *горький, кислый, сладкий, соленый, пряный, пресный, терпкий* и др.

Слова одной и той же ЛСГ обладают следующими парадигматическими свойствами:

1. Значения таких слов характеризуются общей семой (например, сема *мышление* или сема *вкус* в приведенных выше ЛСГ). Дифференциальные семы уточняют категориально-лексический признак слова; они являются однотипными и повторяющимися.

2. Однотипность повторяющихся сем обуславливает связанность членов ЛСГ определенными оппозициями — привативными или эквиполентными. Привативные оппозиции отражают включение более конкретных и специализированных значений в более широкие. Например: *лететь, взлететь, парить, порхать; брать, принять, получить, купить, овладеть, достать; принять — зачислить, удочерить; получить — заработать, выиграть; купить — закупить, нанять, зафрахтовать; овладеть — оккупировать, аннексировать; достать — снять (с полки), извлечь — зачерп-*

нуть. Эквивалентные оппозиции отражают пересечение значений слов, входящих в одну ЛСГ: *достать* «взять откуда-либо»; *набрать* «взять определенное количество».

3. Слова, входящие в ЛСГ, сходны своими синтагматическими свойствами. Например, глаголы приобщения объекта сочетаются с существительными, называющими объект: *взять* со стола, с полки; *получить* в университете, в справочном бюро и т. п.

4. У слов одной ЛСГ развиваются однотипные вторичные значения. Например, у глаголов ЛСГ «соединения» (*связать*, *сшить*, *склеить*) развиваются вторичные значения «созидания»: (*связать* свитер, *сшить* костюм, *склеить* конверт). Вторичные значения, таким образом, непосредственно связаны с явлением регулярной многозначности, которому свойственно наличие в полисемичных словах одной и той же ЛСГ однородных ЛСВ. Разными ЛСВ слово может входить в несколько ЛСГ. Пересечение лексико-семантических групп — важнейшее условие их существования. Так, глагол *перебрать* в одном ЛСВ «разбирая одно за другим, пересмотреть все» входит в одну из подгрупп ЛСГ «приобщения объекта» (*взять*, *вынуть*, *схватить*, *поддеть*, *черпать*, *удить* — по общему признаку «конкретное орудие»: *рука*, *вилка*, *удочка* и т. п.), а по другому ЛСВ глагол *перебрать* входит в подгруппу глаголов с общей семьей «количество объекта» (*набрать*, *скупить*, *наловить*, *разобрать*, *нажать*, *переловить*, *скопить* и т. п.). ЛСГ пересекаются друг с другом, как правило, на уровне своих вторичных значений. Взаимодействуя, ЛСГ объединяются в более крупные единицы лексической системы языка — лексико-семантические поля (ЛСП).

В самом общем виде понятие ЛСП определяется как класс слов, характеризующихся некоторой семантической общностью. В качестве такого общего элемента служат или (а) внеязыковые категории (*понятие*, *тема*, *ситуация*), или (б) языковые (*лексическое значение*, *смысловый признак*, *семантический признак*, *варианты и компоненты значения*).

Основные свойства ЛСП определены Ю. Н. Карауловым.

Первое свойство ЛСП, как и в концепции Й. Трира, отражает системную организацию поля, взаимоотношение системы и ее эле-

ментов. Отдельное слово может быть понято только на основе всей совокупности лексических единиц, входящих в данное поле, — это так называемый принцип полноты. **Второе свойство** связано с недискретностью (непрерывностью) поля. Слова, включающиеся в состав ЛСП, покрывают соответствующее понятийное пространство без пробелов и пересечений. В отличие от ЛСГ, члены поля не могут одновременно входить разными ЛСВ в несколько ЛСП. **Третье свойство** — целостность ЛСП: поля полностью воспроизводят соответствующие понятийные фрагменты картины мира, обеспечивая тем самым соотносительность когнитивной и языковой картины мира. **Четвертое свойство** ЛСП — историчность: полям свойственна синхроническая и диахроническая динамика, благодаря которой лексика совершенствуется и развивается.

Выделенные свойства прямо или опосредованно выражают системную природу ЛСП. Системность ЛСП обеспечивается закономерными связями и отношениями между элементами поля. По наблюдению В. Д. Черняк, о глубокой системной обусловленности русской лексики свидетельствует существование различных взаимосвязанных друг с другом типов синонимических рядов:

- смежных, отражающих плавные семантические переходы в ЛСГ;
- параллельных, демонстрирующих органичную и значимую для организации лексической системы связь синонимии и полисемии;
- соотносительных, воплощающих взаимообусловленность синонимических связей и процессов (как в пределах одной части речи, так и межчастеречных).

Единство и целостность ЛСП основаны на связях и отношениях особого типа — корреляциях (лат. *correlatio* «взаимозависимость»). К внутрисистемным корреляциям в структуре ЛСП относятся:

- гипонимические (*животное* — *собака* — *пудель*, *борзая*, *спаниэль*...);
- синонимические (*открыть*, *отворить*, *раскрыть*, *растворить*, *распахнуть*);
- антонимические (к синонимическому ряду: *закрыть*, *затворить*, *захлопнуть*, *запахнуть*), корреляции несовместимости (*красный* — *зеленый*);

- следования (изучать — знать);
- конверсивные (продавать — покупать);
- агентивные (покупать — покупатель) и др.

Такого рода корреляции ЛСП упорядочивают денотативно близкие семантические единицы, образуют его семантико-корреляционный каркас.

Следовательно, *ЛСП* — это иерархически организованная система лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и представляющих в языке определённую понятийную сферу.

Массмедийная речь отличается тематической широтой, может касаться любой сферы человеческой жизни, попавшей в центр общественного внимания, например технологии проведения водолазных работ.

В 09.00 мск водолазы обследовали подводный объект — это теплоход «Амурская». С аварийного судна снят спасательный круг, табличка и аварийный радиобуй. Планируется продолжение работ с проникновением во внутренние помещения судна. Погода на месте проведения работ благоприятная, волнение 0,5 метра, — говорится в сообщении. С улучшением погодных условий, после уточнения эхолотом места и положения подводного объекта, спасательное судно «Рубин» встало на якоря (с носа и кормы) над объектом. В ходе водолазного осмотра подводный объект был опознан как теплоход «Амурская», — говорится в сообщении на сайте Минтранса со ссылкой на данные Государственного морского спасательно-координационного центра (ГМСКИЦ). (07.11.2012, РИА Новости. URL: <http://ria.ru/disasters/20121107/909856971.html#ixzz2FrDo1mjW>).

Использование тематических рядов, несомненно, сказывается на особенностях данного стиля: возникает необходимость включать специальную лексику, требующую пояснений, а иногда и развёрнутых комментариев. Так, первые полёты в космос актуализировали в текстах СМИ соответствующее ЛСП. Вот фрагмент статьи, напечатанной в архангельской областной газете «Правда Севера». Автор статьи рассказывает о своей беседе с Александром Чебыкиным — чиновником, охотником и рыбаком: — *Мы ловим так, как*

это делают поморы уже сотни лет. В принципе, ничего сложного. Берется небольшая **удочка**, **вяленый морской червь**. **Лов**, как правило, осуществляется двумя **удочками** с двух рук, как у ковбоев, стреляющих из двух кольтов. **Навага** хватает **червя** и держит со страшной маниакальной силой вплоть до момента, когда оказывается на льду. Это, по словам Александра Чебыкина, самый интересный, азартный и, бывает порой, весьма результативный **вид рыбной ловли**. В марте настает пора выездов на пинежские озера за **сорогой**, **щукой**, **окунем** (ПС, 05. 04.2008. В. Рыкусов).

ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА

Термин *концепт* и в современной лексикологии, и в медиадискурсе настолько популярен, насколько терминологически неопределён. Это может привести к превращению его в модную наукообразную лексему, что, разумеется, не способствует его корректному употреблению. В настоящее время этот термин нередко применяется к обозначению любых объектов понятийного характера: собственно концептов, представлений, понятий даже категорий. Вместе с тем, концепт отличается от каждого из них хотя и «размытым», но собственным терминологическим содержанием. На отдельные его признаки указывают Ю. С. Степанов, Д. С. Лихачев, А. А. Залевская и др. Ю. С. Степанов называет концепты сгустками культуры, в виде которых культура входит в ментальный мир человека и в языковую семантику. Причем, в отличие от понятий, концепты, по его мнению, не только мыслятся, но и переживаются. Семасиологическая суть концепта раскрывается Д. С. Лихачевым. Учёный понимал концепт как средство замещения значения слова в индивидуальном сознании человека и в определенном контексте и является, таким образом, личностным осмыслением, интерпретацией объективного значения и понятия как его содержательного минимума. Обсуждению здесь подлежит тезис о том, что концепт в индивидуальном сознании и в речевом контексте замещает значение слова, чтобы избежать отождествления в слове концепта и смысла. Для медиадискурса существенным является акцент, который делает в дефиниции кон-

цепта А. А. Залевская, подводя под него объективно существующие в сознании людей единицы, хотя и чувственно воспринимаемые и переживаемые ими. Обобщая существующие толкования концепта, важно выделить следующие его свойства:

- понятие — продукт *научного* мышления; концепт — продукт *обыденного* осмысления мира;
- концепт — не объективно, а *субъективно* сформированное знание;
- концепт — *житейское* (обыденное) мыслительное образование, представляющее собой предметно-образный и символический этапы формирования понятия.

Однако было бы некорректно говорить об образе, понятии и символе как о формах явленной сущности концепта, являющихся на самом деле слоями, ярусами его смыслового содержания. В этом отношении целесообразно напомнить мудрое высказывание П. Абеляра: *концепт — производное возвышенного духа, разума, способного творчески воспроизводить смыслы*, тогда как понятие рассудочно и связано с рациональным знанием.

Такое понимание концептов позволяет использовать их в массмедийном дискурсе как смысловые кванты человеческого бытия, характеризующие его во всей полноте: от обиходного состояния — до выхода на смысловые ориентиры.

В связи с послойной организацией концепты не могут быть простыми. Не может быть концепта, состоящего из одного лишь слоя. В силу такого строения, концепт лишен симметрии, является не жестко структурированным образованием. В основе возникновения и существования концепта лежит некая идея, которую он не столько выражает, сколько отсылает к ней.

Выделенные свойства и признаки концептов обусловлены тем, что возникают в сознании человека не только как намеки на возможные лексические значения, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический.

Для политического дискурса базовыми являются концепты «политика», «власть», «государство», «народ», «свобода», «выборы» и др. В наше время наиболее употребляемым в политическом дискурсе

стал концепт «кризис», что объясняется событиями в мировой экономике. Причём, в отличие от строгих политических понятий, одноименные концепты служат формой их отражения в обыденном сознании. Политика, например, по данным исследования народного мнения, связывается с постоянным присутствием «второй реальности», нередко создаваемой СМИ, которая по степени воздействия на сознание человека далеко не совпадает с его личным опытом. В народном представлении политика — это прежде всего борьба политических партий, различные интриги, политические игры, попрание нравственных норм ради обладания властью. Отсюда и метафорическая интерпретация смыслового содержания одноименного концепта. Нередко при этом используется метафора игры; сформировалось даже устойчивое выражение *политические игры*. На сетевом форуме даже обсуждалось выражение, метафорической моделью которого служит игра: *политика сегодня — это как футбол: все болеют, дают советы, но не умеют играть*.

Наиболее продуктивными метафорическими моделями, репрезентирующими концепт «кризис», оказались слова с переносными значениями тематической группы «медицина» и «природа». Медицинские метафоры создают образ кризиса как крайне тяжелого заболевания (грипп, лихорадка, чума), поразившего мировую экономику (Л. Цонева). Основаниями метафорического переноса в этом случае становятся ухудшение состояния, спад жизненной активности, невозможность продуктивной деятельности. Медицинские метафоры формируют у читателей чувство тревоги, беспокойства за будущее страны, настойчиво подчеркивают необходимость проведения консилиума специалистов, необходимость четких, скоординированных действий, направленных на спасение больной экономики и возвращение к нормальному функционированию государств.

Среди репрезентантов концепта «кризис» доминируют два типа метафорических словоупотреблений из области ЛСП «природа». В рамках первых кризис уподобляется *яме, пропасти, бездне, болоту*. Основаниями метафорического переноса становятся такие семантические компоненты, как падение, неожиданное препятствие на пути, безысходность. В результате эксплуатации этой метафорической модели концепт «кризис» предстает как некое

углубление, в глубину которого проваливается мировая экономика, и выход из этого пространства крайне затруднителен. Соответственно, при использовании подобных метафор доминируют концептуальные векторы тревожности, безысходности.

В рамках второго типа метафор кризис предстает как стихийное бедствие — *шторм, цунами, буря, ураган, торнадо, шквал*. В качестве основания переноса задействуются значения разрушительности, внезапности, стихийности, неконтролируемости. Сопоставление кризиса с природными бедствиями позволяет представить его как явление огромной разрушительной силы.

Итак, парадигматическая ось лексической подсистемы языка представляет собой нелинейные отношения семантически взаимосвязанных и противопоставленных слов в пределах какой-либо парадигмы (синонимии, антонимии, ЛСГ или семантического поля). В отличие от парадигматических отношений, которые устанавливаются путем противопоставления слов и определения их сходства и различия на основе выявления дифференциальных (различительных) сем, в языке существуют синтагматические отношения, благодаря которым порождается связный текст.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА

Способность слов сочетаться с другими словами — одно из главных проявлений их системных свойств. Системные связи, проявляющиеся в закономерностях сочетания слов друг с другом, называются **синтагматическими** (гр. *syntagma* — ‘вместе построенное, соединенное’). Они выявляются в определенных лексических сочетаниях. Слова, следуя друг за другом, образуют языковую цепочку — синтагму, внутри которой и формируются синтагматические отношения. Причем в синтагматические отношения вступают слова как лексико-семантические единицы, в которых аккумулируются и закрепляются итоги познавательной деятельности всего языкового сообщества, выработанные в практике общения концепты, жизнесмыслы, общественно значимые образы и представления. При этом востребованными

оказываются различные конфигурации слов в их внутрисистемной организации: родо-видовые отношения, лексические гиперонимы — слова с широким значением, выражающие общее, родовое понятие (*СМИ*), и гипонимы — слова с более узким значением, обозначающие видовое понятие (*телевидение, радиовещание, газеты, журналы*). В частности, создание речежанрового многообразия массмедийного дискурса оказывается связанным с синтагматической активностью лексики разных парадигматических разрядов (тематических и семантических). Можно утверждать, что в текстопорождении синтагматика и парадигматика «работают» как единый механизм: парадигматика отвечает за дискурсивно-прагматический отбор лексических единиц, выступает преимущественно как средство предикации, а синтагматика реализует коммуникативно-прагматический потенциал слова. Вместе с тем они опираются на свои категориальные принципы. Если в основе парадигматических отношений слов лежит понятие *оппозиции*, то для синтагматических отношений базовым является понятие *позиции*. Позиция — это положение слова в тексте, в котором проявляются его отношения к другим, семантически близким ему единицам. Различают сильные и слабые позиции. Сильные позиции — это такие употребления лексических единиц, в которых достаточно четко различаются слова или их лексико-семантические варианты (ЛСВ). Ср.: *свежий хлеб, свежий номер газеты и свежий взгляд*. Слабые позиции — это такие словоупотребления, в которых значения слов не различаются, это условия нейтрализации лексических значений или ЛСВ. Ср. нейтрализацию значения слова *огонь* в сочетаниях *гори всё синим огнём, как огня бояться, огни города, на линии огня, глаза горят огнём*. Способность к сочетаемости, как и значение, является неотъемлемым свойством словесного знака как единицы языка. Вместе с означающим и означаемым (звуковой оболочкой) она придает слову качественную определенность, выявляет его языковую специфику.

Синтагматикой слова называют его способность соединяться с другими словами. Различают *потенциальную* способность к сочетаемости (языковую синтагматику слова) и его *реализацию*

в связной речи (речевую синтагматику слова). Для обозначения языковой синтагматики слова используют термин *валентность*, а для речевой — *сочетаемость*. Первый отражает весь диапазон синтагматических возможностей слова, которые предоставляет ему языковая система. Синтагматический потенциал слова заложен в системе языка и определяется категориальной принадлежностью слова. Речевая синтагматика слова выражает его реальные синтагматические проявления в процессе текстопорождения. Иначе говоря, синтагматический потенциал слов обнаруживается в речевом акте в процессе их сочетания в коммуникативно значимые высказывания.

Чем обуславливается лексическая сочетаемость? Прежде всего *сочетаемость* слов определяется их предметно-смысловыми связями, грамматическими свойствами и собственно лексическими особенностями. Например, слово *деревянный* употребляется со словами *шкаф, кресло, дом, ложка*, но невозможны сочетания *деревянная река, деревянная котлета, деревянная краска*. Сочетаемость этих слов исключается их предметно-смысловыми связями. Невозможно сочетать словоформы *деревянный* и *мечтать*, *деревянный* и *весело*: этому противится их грамматическая природа (прилагательное не может сочетаться с глаголом и обстоятельственным наречием). Лексической особенностью слова *деревянный* является его способность к развитию переносных значений, что позволяет построить словосочетания типа *деревянный голос* или *деревянная голова*. Слова, не обладающие такой способностью (*железобетонный, керамический* и под.), не допускают метафорического использования в речи. Их синтагматический потенциал *более ограничен*, поскольку предметно-смысловые (экстралингвистические) связи этих слов исключают их взаимную сочетаемость. Экстралингвистическую основу любого осмысленного высказывания составляет расчлененная нашим сознанием реальная денотативная ситуация, которая мыслится и представляется в языке или вместе со своим признаком, качеством, свойством, или в каком-либо отношении к говорящему, а также к другим реалиям. Иначе, как справедливо полагал А. И. Смирницкий, сочетающиеся слова образуют высказывание,

в котором посредством различных грамматических связей между словами фиксируются разнообразные отношения между элементами действительности и элементами мышления.

Однако, опираясь на значения слов, а, следовательно, и на их парадигматические связи, синтагматические отношения обуславливаются не только предметно-смысловыми связями, но и системой языка в целом. С одной стороны, сочетаемость слова определяется его принадлежностью к определенной части речи, а с другой — лексическим значением слова. При этом лексическая семантика уточняет, конкретизирует валентностные свойства слова как части речи. Например, то, что слова *бояться*, *удивляться*, *надеяться* присоединяют к себе в качестве зависимых слов имена существительные, определяется их вхождением в одну из групп глаголов (в группу косвенно-переходных глаголов). А то, что глагол *бояться* управляет формой род. падежа (*бояться мышей*), *удивляться* — формой дат. падежа (*удивляться словам*), а *надеяться* — формой винит. падежа с предлогом *на* (*надеяться на помощь*), определяется семантикой глагола. Иначе говоря, сочетаемостные связи слов в высказывании практически всецело зависят от значений слов. Поэтому синтагматические связи следует считать разновидностью семантических отношений между словами. В связи с этим возникает вопрос: можно ли отождествлять природу и сущность лексического значения слова с его сочетаемостью? Утвердительно ответить на этот вопрос нельзя по двум причинам. Во-первых, потому, что слова соединяются друг с другом на основе имеющих у них значений, обобщенно отражающих предметы, явления действительности. Мы можем, например, сочетать прилагательное *высокий* и существительное *голос*, потому что первое слово обозначает возможный признак предмета, названного вторым словом (*высокий голос*), но нельзя сочетать слова *шить* и *голос*, потому что признак, названный первым словом, невозможно приписать голосу. Следовательно, значение слова и его сочетаемость находятся в отношении зависимости: слово, чтобы сочетаться с другим, уже должно обладать определенным значением. Во-вторых, сочетаемость слова — лишь показатель его значения. Но только показатель значения, а не само значение (3).

Второй важный вопрос: в силу каких своих свойств сочетаемость служит индикатором (показателем) значения? Ответ на этот непростой вопрос дал известный отечественный семасиолог В. Г. Гак. Учёный определил, что синтагматические отношения между словами обуславливаются действием **закона семантического согласования**. Согласно этому закону корректность сочетания в речи нескольких слова предопределяется наличием в их значениях хотя бы одной общей семы. Рассмотрим, как осуществляется семантическое согласование между отдельными словами в следующем газетном фрагменте: *Не так давно я зашел к своему доброму знакомому Ивану Якимовичу Миско. Застал его за обычным занятием. Знаменитый скульптор сильными руками разминал глину, и лицо его было каким-то светлым, радостным и одухотворенным* (Советская Белоруссия. 21.12.2012). Сильные руки скульптора разминали глину. В этом предложении словоформа *сильными* сочетается с формой творит. падежа существительного *руки*. Значение слова *рука* можно представить в виде набора сем: 1) 'конечность тела человека', 2) 'верхняя', 3) 'от плечевого сустава до кончиков пальцев' (см.: МАС, III, 975). Как название конечности *рука* имеет потенциальную сему 'обладающий физической силой'. Значение слова *сильный* содержит семы: 1) 'имеющий', 2) 'физическую силу', 3) 'большую' (см.: МАС, IV, 130). Как видим, слово *рука* имеет потенциальную сему 'физическая сила'; эта же сема является базовой в семантической структуре прилагательного (*сильные*). Этим, собственно, и обеспечивается семантическое согласование сочетания этих двух слов (*сильные руки*). В семантике существительного сема 'физическая сила' является потенциальной, а в семантике прилагательного актуальной. Закон семантического согласования обнаруживается и в сочетании *руки скульптора*. Оба слова имеют общую сему 'конечность человека': у существительного *скульптор* она потенциальна — 'имеющий конечности', а у глагола *разминать* — актуальна. Та же закономерность наблюдается и между компонентами сочетания *разминал глину*. Бросается в глаза, что семантическое согласование осуществляется на основе общности *потенциальной* семы семантически главного слова и *акту-*

альной семы семантически *з а в и с и м о г о* слова. При этом другая актуальная сема этого последнего добавочно характеризует то, что названо семантически главным словом.

Таким образом, в семантически главном слове на основе действия этого закона *никогда не выявляется актуальная сема*, а в семантически зависимом выявляется только одна актуальная сема, причем в сочетаниях с одним и тем же зависимым словом в одном и том же значении всегда будет выявляться *одна и та же актуальная сема*. Ср. *сильные руки / ноги / пальцы / мышцы / лапы / челюсти* и т. п.; *руки скульптора / пахаря / матроса / штангиста / токаря / летчика* и т. п. Следовательно, поскольку соединение слов обеспечивается общностью актуальной семы зависимого слова и потенциальной семы главного слова, то такую сочетаемость следует рассматривать в качестве индикатора, выявляющего наличие соответствующих сем в семантических структурах основного и зависимого слова. В семантике зависимого слова общая сема всегда оказывается актуальной.

В крайнем случае, значения сочетающихся слов не должны содержать противоречащие друг другу семы (*птица летит*: общая сема ‘с помощью крыльев’). При сочетании слов с логически несовместимыми семами возникает семантическое рассогласование (*айсберг ползёт*). Однако семантическое рассогласование не всегда приводит к бессмысленным сочетаниям. Бессмысленности удаётся избежать, если в сочетании происходит перестройка семного состава одного из ЛСВ. Так, сочетание слов *поезд летит* обретает семантическую целесообразность, если основой их синтагматической интеграции выступает становится периферийная сема — ‘стремительно’. Она имеется и в семантике существительного *поезд* — ‘состав сцепленных вагонов, приводимых в движение локомотивом’ (ср.: *скорый поезд*), и в семантике глагола *лететь* — ‘нестись, передвигаться по воздуху’. В глаза бросается синтагматическое неравноправие сем. В нашем примере сема ‘стремительно’ доминирует в семантике глагола. От неё зависит смысловой вектор существительного *поезд* (ср.: *поезд ползёт, тянется* и т. п.).

Разумеется, особенности сочетаемости отдельных слов в значительной мере зависят от контекста, поэтому синтагматические

связи в большей мере, чем парадигматические, подвержены изменению, обусловленным предметным содержанием дискурса. В частности, синтагматика слова может отражать изменения, которые произошли между самими реалиями. Ср. традиционное сочетание *керамическая черепица* и современное *металлическая черепица*. Если раньше черепица была только керамической, то в наше время широкое распространение получила черепица *металлическая*. Синтагматика слов отражает также расширившиеся горизонты наших представлений об окружающем мире (*выход в космос* — столетие назад такая сочетаемость была недопустимой). Преодолевая пороги семантической рассогласованности, лексическая синтагматика может стать источником образной энергии языка (*космическая одиссея*).

Семантические взаимосвязи слов, проявляемые в синтагматике, могут быть более и менее тесными. Можно говорить об их градуированном характере: чем чаще слова встречаются на синтагматической оси, тем сильнее их семантическая связанность. Если слово сочетается со строго ограниченным количеством других слов, то образуемые при этом словосочетания сливаются в одну семантическую единицу. По своей семантике такие сочетания напоминают слова. Из таких сочетаний возникают также фразеологизмы.

Итак, в ходе семантической сочетаемости лексических единиц в речи происходит синтагматический синтез слов, предполагающий их линейную упорядоченность по правилам сочетаемости и текстопорождения. При порождении массмедийного текста синтагматический синтез слов нередко усложняется намеренным отклонением от их узальной парадигматики и синтагматики. Коммуникативно-прагматическим эффектом намеренного видоизменения лексической парадигматики и синтагматики является языковая игра — тип речевого поведения автора, основанный на сознательном нарушении системных (парадигматических и синтагматических) отношений между словами. Причём деструкция речевой нормы осуществляется с целью создания неканонических сочетаний, в рамках которых слова приобретают экспрессивные значения, способные вызывать у читателя эстетический и в целом прагматилистический эффект.

Обычно игра слов связана с намерениями выражать комические смыслы, а также с желанием создавать свежие, нешаблонные образы. Кроме разговорной и беллетристической речи, языковая игра свойственна неофициальным жанрам медиаречи. Цель языковой игры — обновлять способы языковой репрезентации описываемых событий. Современные СМИ пытаются уйти от метафорических шаблонов, системы разнообразных средств выражения оценки, идеологических клише, обилия фигур ораторского синтаксиса, свойственных журналистике 1960–1970 годов. Журналисты играют со словами и в слова в поисках свежих, необычных номинаций для лиц и фактов, ломая традиционные грамматические модели, снимая табу на сочетаемость слов. Новая организация языковых элементов, нетрадиционные способы номинации связаны с поисками привлекающих читателей форм изложения. Нестандартная лексическая сочетаемость способна переместить в центр медиа события периферийные факты реального события. Так, в фокус информационного сообщения о решении японского правительства уйти в отставку попал концепт «история болезни» — игровое манипулирование кризисным состоянием здоровья премьера (инсультом) и кризисом в кабинете министров («инсультом»): *«Правительство Японии не пережило инсульта»*. Словесная игра является доминантным приёмом стилистики в текстах современных СМИ, а способность журналиста её создавать становится показателем стиля его лингвокреативного мышления.

Синтагматические отношения слов, будучи заданными их семантикой, связаны с коммуникативной направленностью дискурса. Этим обуславливается главное функциональное свойство словарного состава: взаимосвязанность и взаимообусловленность его синтагматики и парадигматики. Парадигматическая зависимость лексической синтагматики состоит в её обусловленности значением слова. Синтагматические стимулы развития лексической парадигматики проявляются в способности слова «вбирать в себя» смысловую энергию контекстного окружения, что не только увеличи-

вает семантическую ёмкость слова, но и создаёт условия для развития лексико-семантической вариативности языка. В лексико-семантической синтагматике осуществляется реальное линейное развёртывание элементов языкового сознания коммуникантов, конкретизация глобального образа мира и его воплощение в речевые «картины мира», представляющие дискурсивные события в соответствии с авторскими интенциями (речевыми намерениями) журналиста.

Литература

1. См.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды. Т. 1. М., 1995; Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990; Кронгауз М. А. Семантика. М., 2001; Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989; Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989 и др.

2. Горбаневский М. В., Караулов Ю. Н., Шаклеин В. М. Не говори шершавым языком. О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ / Под ред. Ю. А. Бельчикова. М., 2000. С. 19–137.

3. Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 2003.